

**ЯВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИЗМА В ОЦЕНКАХ Н. В. ГОГОЛЯ
(на материале публицистики и писем)**

*Работа представлена кафедрой общего литературоведения и журналистики
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. В. Прозоров*

В статье на материале всего гоголевского эпистолярного наследия и публицистики, представленной статьей «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и фрагментом «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Об Одиссее, переводимой Жуковским»), прослеживается эволюция восприятия Н. В. Гоголем журнализма и его позитивная и перспективная программа развития.

The author of the article traces the evolution of N. Gogol's perception of journalism and a positive and perspective programme of its development, basing on the material of Gogol's epistolary heritage and publicistic works presented in the article «The movement of journalistic literature in 1834 and 1835» and a fragment of «Chosen parts from the correspondence with friends» («On Odyssey, translated by Zhukovsky»).

Наряду с привычным термином «журналистика» в литературе встречается и ме-

нее употребимое понятие «журнализм». Наша задача – рассмотреть, как складыва-

лось это понятие в публицистике и эпистолярном наследии Гоголя. Мы исходим из предположения, что именно с Гоголя начинается критическая рефлексия по поводу этого явления, определение его природы, открывающейся за массой разноречивых фактов¹.

Попытаемся определиться с терминологией. Слова «журналистика» и «журнализм» употребляются часто как синонимы. Нам представляется, что слово «журнализм» излучает некий шлейф коннотаций, намекающих на характер мироотношения, на более или менее последовательную позицию автора, с одной стороны, и на объективно существующий особый социально-культурный феномен, который превышает привычный семантический объем слова «журналистика». В работах Л. Г. Свитич «журнализм» интерпретируется либо как некий обобщенно-собирательный аналог слова «журналистика», либо как полифункциональное явление социальной жизни, либо как обозначение профессиональной деятельности². В любом случае подразумевается более или менее абстрактное, отвлеченное от конкретики СМИ понятие. Мы склонны согласиться с пониманием журнализма как относительно самодостаточно социального и культурного феномена, объемлющего журналистику, содержащего ореол общих смыслов, условий и функций и указывающего на место журналистики в жизни человечества, на новое измерение, которое вносит она в жизнь социума, в развитие культуры, и в частности в литературный ландшафт. Анализ феномена журнализма требует обращения к «ценностно-семантическому пространству»³ культуры, к совокупности явленных и потенциальных признаков («готовностей»), универсальных смыслов, к эффекту рецепции и воздействия виртуального мира, создаваемого журналистикой, на общественное сознание. «Журнализм» – понятие, вбирающее в себя и вполне реальные, исторически конкретные (часто с негативной коннотацией) при-

меты этого рода деятельности, и идеальные «мерки», применяемые авторами и читателями к бурно развивающейся на Руси журналистике.

Источником осмысления этого феномена у Гоголя стал *взгляд изнутри*, в качестве журнального деятеля, и *взгляд извне*, в качестве мыслителя, дистанцировавшегося от потока пестрых, подчас хаотичных явлений. С этими двумя ракурсами связана и эволюция гоголевского восприятия журнализма.

Слова «журнализм» в гоголевском лексиконе нет. Но представление складывается весьма отчетливо в глубоко прочувствованных словах-понятиях и словосочетаниях «дело журнала», «журнальное поприще», «журнальные занятия», «журналистское воззрение», «журнальная литература». Его основные источники следующие: непосредственная реакция на сложившуюся практику в области «журнального дела»; эталонные представления о журналистике; самоидентификация, определение собственной позиции, художественное мышление, элементы которого несомненно присутствуют и в нехудожественных текстах Гоголя⁴.

Публицистика представлена здесь известной статьей Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», опубликованной в первом томе пушкинского «Современника», и фрагментом из «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Об Одиссее, переводимой Жуковским», 1846 г.). Статья в «Современнике», ставшая центром журнальной и научной полемики⁵, рассматривается нами как выступление Гоголя, соединяющее критику с программными постулатами журнализма. Программа «просвечивает» сквозь конкретный разбор таких изданий, как «Библиотека для чтения» Н. Греча и О. Сенковского, «Северная пчела» и «Сын отечества» М. Булгарина и Н. Греча, «Телескоп» Н. Надеждина, «Московский наблюдатель», одним из сотрудников которого был С. Шевырев

(его Гоголь считал своим союзником). Если отвлечься от многосложного историко-литературного контекста, разумеется, не безразличного для нашей темы, то можно выделить негативные и программные моменты как отдельные пункты.

К числу того, что, по мнению Гоголя, мешает нормальному развитию современной журналистики, относятся следующие факторы: монополизм некоторых изданий и отсутствие здорового соревновательно-го духа; отсутствие единого направления, основанного на глубокой мысли, единой воле и цельности; легковесность, верхоглядство, пустопорожность, мелочность; всеядность, неразборчивость, неспособность к отбору материала; безответственность и беспринципность; тщеславность и сосредоточенность на желании личного успеха у публики; редакторский произвол (беспардонные переделки авторских текстов); так называемое «почетное» редакторство, когда поименованный редактор заявлен только для пущего веса у публики, но участия его в издании не видно; необъективные оценки других изданий, переход на личности и доминирование партийных пристрастий; адресованность многих выступлений к кругу литераторов, а не к широкой публике, фамильярность; нерасторопность, несвоевременность и нерегулярность выхода журнальных выпусков в свет; расчет на читателей ограниченных, лишенных образованности и вкуса, потакание низким вкусам в массовой культуре; обладание средствами гласности у беспринципных изданий и отсутствие таковых у журналистов с благими намерениями и установками (речь о рекламе); пренебрежение литературным прошлым, отсутствие подлинных критериев в оценке писателей; отсутствие диалога с читателем, злоупотребления в коммерческой сфере развития журнального движения.

Из этого абстрагированного перечисления⁶ легко вывести гоголевскую позитив-

ную и перспективную программу журнализма: здоровый соревновательный дух, равные условия для изданий; наличие выверенного, направляемого единой волей и позитивного направления; ответственность, принципиальность, разборчивость и серьезность в отношении к публикуемому материалу; доминирование общественных интересов над личными и корпоративными; подлинный диалог с читателем, уважение к нему, изучение его позиции, воспитание читателя; соблюдение авторского права, неприкосновенность аутентичного текста; порядочность в коммерческих литературных делах; оперативность и регулярность выхода в свет. Статья Гоголя носит не только констатирующий, но и прогностический характер, особенно актуальный для нашего времени, ибо можно провести параллель между 1830-ми и 2000-ми гг. в отношении коммерциализации культуры. Гоголь не отмахивался от этого процесса, он его спокойно осмыслял и стремился по возможности сопротивляться его крайностям, по крайней мере в 1830-е гг., находясь в гуще журнального движения.

Фрагмент «Об Одиссее, переводимой Жуковским» примечателен во многих отношениях, однако нас интересует в данном случае выпад против журналистики 1840-х гг. «В литературе, – пишет Гоголь, – как и во всем, – охлаждение. Как очаровываться, так и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких неперева-рившихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои»⁷. Перевод «Одиссеи» вызвал у Гоголя надежду на то, что незрелое критическое направление века или отсут-

ствии всякого направления в журнальном движении переходящи и «Одиссея» Гомера–Жуковского станет поводом для появления положительных идей, поводом задуматься и углубиться во всестороннее изучение действительности, устыдившись верхоглядства и беспочвенного отрицания.

Гоголевский эпистолярый не содержит ничего, что противоречило бы публично высказанному им. В письмах 1830-х гг. Гоголь, находясь в гуще журнального движения, скептически и с сарказмом осмысляет этот мир и одновременно демонстрирует весьма прагматичный подход. Он считает ремесло журналиста «опозоренным»⁸ (И. Дмитриеву, 1832 г.). «Дело журнала требует более или менее шарлатанства. Посмотри, какие журналы всегда успевали! Те, которых издатели шли очертя голову, напролом всему, надевши на себя грязную рубаху ремесленника, предполагая заранее, что придется мараться и пачкаться без счету» (М. Погодину, 1836 г.). Такое отношение может заставить молодого писателя либо гордо отказаться от участия в грязном деле, дабы сохранить чистоту и порядочность, либо попытаться что-то изменить.

Вот как рассуждает об этом Гоголь в том же письме: «Конечно, можно предположить, что с прямою и твердою волею, совестью можно противустать (хотя и неприлично употреблять умные речи с кабачными бойцами), но и в таком случае нужно неослабного внимания, нужно все бросить и издавать один журнал, жить и говорить только этим журналом»⁹. Молодой Гоголь еще питает надежду, что можно внести в журнальное дело здоровый дух, что представления о порядочной журналистике не должны противоречить коммерческой стороне дела, борьбе за читателя и уж тем более высокому назначению журнальной литературы – благотворному воздействию на общественное мнение.

Письма 1830-х гг. в этом смысле составляют своеобразную параллель статье в «Со-

временнике», продиктованной теми же мотивами. Гоголь не чурается чисто деловых, рыночных хитростей, но не забывает при этом о высокой цели: «Журнал наш нужно пустить как можно по дешевой цене, – пишет он М. Погодину о задуманном «Москвитянине». – Лучше за первый год отказаться от всяких вознаграждений за статьи, а пустить его непременно подешевле. Этим одним только можно взять верх и сколько-нибудь оттянуть привал черни к глупой Библиотеке, которая слишком укрепила читателей своею толщиной. Еще: как можно более разнообразия! И подлиннее оглавление статей! Количеством и массою более всего поражаются люди. Да чтобы смеху, смеху, особенно при конце. Да и везде не дурно нашпиговать им листки. И главное, никак не колоть в бровь, а прямо в глаз»¹⁰ (1834 г.). Итак, вырисовывается некий намек на программу, отражающий как идеальные представления Гоголя, так и прагматичную тактику борьбы за читателя: дешевизна, разнообразие, точность заглавий, наличие яркого смехового начала, предметность и целенаправленность критики.

Живя за границей, Гоголь, с одной стороны, далек от российской жизни, от кипения страстей и злободневных подоплек в сложном переплетении различных волей и устремлений, а с другой стороны, у него появляется возможность взглянуть на родину со стороны, дистанцироваться от сиюминутного смысла событий и спокойно поразмыслить. Гоголь при этом пытается сохранить и поддерживать постоянную связь с родиной. Один из лейтмотивов его писем 1846–1847 гг. – настойчивые просьбы присылать ему любые российские периодические издания, даже самые пустячные. Чем же, кроме ностальгии, объясняется эта всеядность? Гоголь не оставляет на этот счет никакой неясности: «Говорит журналист, но ведь за журналистом стоит две тысячи людей, его читателей, которые слушают его ушами и смотрят на вещи его глазами. Это

не безделица! Мне очень нужно знать, на что напирать. Не позабудь, что я, хоть и подвизаюсь на поприще искусства, хотя и художник в душе, но предмет моего художества современный человек, и мне нужно его знать не по одной его наружности. Мне нужно знать душу его, его *нынешнее состояние*. Ни Карамзин, ни Жуковский, ни Пушкин не избрали этого в предмет своего искусства, поэтому и не имели нужды в этих толках»¹¹ (П. Плетневу, 1847 г.). Журнальная литература, по Гоголю, отражает многоголосие мнений, оценок и устремлений современного человека и дает писателю такого типа, как он, богатейший материал, обеспечивает обратную связь в необходимой коммуникации писателя с современным читателем. По мнению Гоголя, меняется качество литературы, стиль ее взаимодействия с читателем. Даже самая пустая критика для Гоголя – «исprobование современного человека»¹² (С. Шевыреву, 1847 г.). Гоголь убежден не только в огромной власти журналистики над душами людей, но и в том, что она не может не отражать реальные умонастроения. Это обоюдный процесс, ибо и умонастроения эпохи содержат отчетливую ноту современного журнализма. Поражает объективность его взгляда даже на пустейшую вздорную критику как на драгоценный материал для писателя.

Журнальное дело гоголевской эпохи привычно понималось как дело команды, коллектива единомышленников, выражающих в совокупности своих выступлений некое общее мнение или, точнее, общую позицию. Разумеется, было ясно, что на практике это не так, и внутренние расхождения порождали противоречия, полемику внутри редакций или попросту разрыв «несогласного» с «командой». Но эталонное представление продолжало существовать (оно есть и сейчас) и организовывало журнальную жизнь в свете этой «идеальной» цели. Гоголь, имевший непростой опыт на этом поприще, к 1846 г. не считает для себя

актуальным участвовать в общем деле, говоря о нравственной и интеллектуальной незрелости участников журнальной практики: «Дела мало, а педантства много. А из чего люди в нем хлопочут, никак не могу себе определить... У нас воображают, что все дело зависит от соединения сил и от какой-то складчины. Сложись-ка прежде сам и сделайся капитальным человеком. А без того принесешь сор в общую кучу. Нет, дело нужно начинать с другого конца. Прямо с себя, а не с общего дела, чтобы уметь, точно, о нем говорить, как следует»¹³ (Н. Языкову, 1846 г.). Речь идет об отсутствии выстраданной личной позиции, о легкости словоизвержения, когда дело касается святых для Гоголя вещей.

Конкретным отражением общей атмосферы русской журналистики является полемика Гоголя и Белинского по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Позиция Гоголя, выраженная им в письмах Н. Прокоповичу и самому Белинскому, выглядит как прямая иллюстрация к процитированным выше его словам: «Он (Белинский), кажется, принял всю книгу написанную на его собственный счет и прочитал в ней формальное нападение на всех, разделяющих его мысли. Это неправда; в книге моей, как видишь, есть нападение на всех и на все»¹⁴. Белинскому (20 июня 1847 г.): «Вы взглянули на мою книгу глазами рассерженного человека и потому почти все приняли в другом виде»¹⁵.

Гоголь считает современную журналистику близорукой, погрязшей в партийных и корпоративных распрях, потерявшей за бесконечными спорами позитивное начало. При этом нужно иметь в виду, что в письмах, обращенных к людям близким, Гоголь обсуждает не только и не столько одиозные издания или явно негативные черты журнализма, сколько универсальные особенности, не столь однозначно воспринимаемые даже в среде порядочных людей. Поэтому вместо гротеска и кари-

катурности – глубокая грусть, сожаление, мягкая учительская, убеждающая интонация. Вместе с тем удивительна твердость, с какой Гоголь отстаивает свою позицию, обрекая себя подчас на одиночество в стане друзей.

Итак, мы увидели, что представления Гоголя о журнализме, отраженные в статьях и письмах, отличались цельностью, последовательностью и приобретали во

многих позициях характер предвидения. Можно также говорить об эволюции этих представлений – от горячей заинтересованности участника журнального движения в его оздоровлении до отстраненной оценки самоуглубленного мыслителя, дистанцировавшегося от текущего хода журнальной литературы и взирающего на него с печалью человека, который опередил свое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопрос о Пушкине как предшественнике Гоголя в этой сфере достоин отдельного исследования. Сам Гоголь считал, что журнализм присущ молодости, а Пушкин к 1836 г. пережил уже эту пору и к тому же опередил свое время. (См. об этом: *Гоголь Н. В.* О Современнике и др. Выдержка из письма Гоголя П. А. Плетневу, 1846 г. // *Н. В. Гоголь Полн. собр. соч.:* В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 421–422).

² *Свитич Л. Г.* Феномен журнализма. М., 2000; *Он же.* Профессия: журналист. М., 2003.

³ *Прозоров В. В.* Власть современной журналистики, или СМИ наяву. Саратов, 2004. С. 23.

⁴ Совокупность художественных и нехудожественных текстов Гоголя как источник его представлений о современном ему журнализме стала предметом исследования в упомянутой книге Прозорова В.В. (см. главу «Господа Тряпичкины». С. 76–102).

⁵ *Мордовченко Н. И.* Гоголь и журналистика 1835 г. // *Гоголь Н. В.:* Материалы и исследования. М., 1936. Т. 2. С. 124–137; *Рыскин Е. И.* О статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» // *Русская литература.* 1965. № 1. С. 134–144; *Петрунина Н. Н., Фрилендер Г. М.* Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах // *Пушкин. Исследования и материалы.* Л., 1969. Т. 6. С. 210–223; *Пирожкова Т. Ф. А. С.* Пушкин и Н. В. Гоголь в журнале Пушкина «Современник» // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 11. Журналистика.* 1974. № 3. С. 25–31; *Манн Ю. В.* В журнальном ристалище // *Манн Ю. В.* Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. М., 2004. С. 385–391 и др.

⁶ Большинство критических замечаний Гоголя направлено против «Библиотеки для чтения», «Северной пчелы» и «Сына Отечества», т. е. против О. Сенковского, М. Булгарина и Н. Греча.

⁷ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 238.

⁸ Там же. Т. 10. С. 247.

⁹ Там же. Т. 11. С. 76.

¹⁰ Там же. Т. 10. С. 341.

¹¹ Там же. Т. 13. С. 306.

¹² Там же. С. 314.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Там же. С. 324.

¹⁵ Там же. С. 327.